

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск IV

СМОЛЕНСКИЕ ВОЙНЫ XV-XVII вв.

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург

2015

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск. IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_4>

© www.milhist.info

© Володихин Д.М.

MILHIST

INFO

Володихин Д.М. Честь воеводы. О тактическом стиле М.Б. Шеина

В статье поднимается вопрос о роли воеводы Шеина в Смоленской войне 1632-34 годов. Вниманию читателя предлагается новый источник - "реляция Хенрика Садтлера", где описаны события первых месяцев осады Смоленска русскими войсками.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/12/29/volodixin_2

Ссылка для печатных изданий:

Володихин Д.М. Честь воеводы. О тактическом стиле М.Б. Шеина [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. — С. 262-267 <http://www.milhist.info/2015/12/29/volodixin_2> (29.12.2015)

www.milhist.info

2015

Д. М. Володихин

ЧЕСТЬ ВОЕВОДЫ

О тактическом стиле М. Б. Шеина

Вокруг значительной фигуры военной истории России, боярина и воеводы Михаила Борисовича Шеина, давно ведется полемика. Настоящая статья издается в ответ на известный текст Игоря Андреева, опубликованный на страницах журнала «Родина» в 1997 году¹. Вместе с тем она также является продолжением дискуссии, начавшейся еще в XIX столетии.

И. Андреев посвятил статью «делу» воеводы М. Б. Шеина, казненного по обвинению в «измене» после разгрома его армии под Смоленском в 1634 году. Автор статьи в подробностях описал борьбу «придворных партий» у подножия шаткого еще престола новой династии. Не столько неудачи на поле боя, сколько интриги, по мнению И. Андреева, привели старого полководца на плаху.

Однако характеристика самого Шеина как полководца и его тактики вызывает возражения. Кем предстает перед читателем этот воин? Заносчивый, упрямый старик, медлительный и нерасторопный в решающих схватках с неприятелем, пассивный, да к тому же еще подверженный необъяснимым приступам депрессии. Как только доверили ему войско? *«Незадачливый Шеин... пребывал в полной растерянности... утратил последние проблески воли... никуда не годен для штурма»* — такими ярлыками буквально пестрит статья автора.

Сокращенный и измененный без согласования с автором вариант статьи был опубликован ранее: Володихин Д. М. Честь воеводы (донесение Генриха Садтлера о действиях М. Б. Шеина во время осады Смоленска) // Родина. — 1998. — № 2. — С. 52–55

Для военачальника подобного ранга, инкорпорированного в военную машину Московского царства, полное «несоответствие занимаемой должности» маловероятно, особенно если учесть огромный боевой опыт этого воеводы. И обвинения, выдвигаемые в адрес М. Б. Шеина И. Андреевым и некоторыми исследователями до него, напоминают скорее замечания современных журналистов, дающих советы «как следует воевать».

Задолго до И. Андреева в исторической литературе развязалась полемика по поводу того, был ли Шеин изменником, и стоит ли признать его полководческие дарования.

С. М. Соловьев видел причины тяжелого поражения под Смоленском в «несостоятельности русского войска в борьбе со шведами и поляками, по недостатку искусства ратного», а также в отсутствии крайне необходимой поддержки Москвы. Историк не обнаруживал в действиях воеводы измены, считая обвинения в его адрес плодом недовольства со стороны «многих сильных людей», т.е. части служило-аристократической верхушки двора. Но при этом ученый все же цитировал Хронограф, где отмечается несокомерие и несдержанный нрав полководца, немало вредившие делу².

А. Н. Зерцалов выступал против оговора Шеина и составил даже выборку приказных материалов, пункт за пунктом опровергавших вину воеводы. Он полагал, что причиной наветов явилась зависть бояр, а Шеин в значительной мере возбудил ее против себя, оскорбив вельмож в присутствии царя дерзкой речью, произнесенной при отправлении в поход. Михаил Борисович сказал в частности, что в те времена, когда он верно служил государю оружием, «...*бояре многие по записью сидели, и сыскать... их было не можно*»³. Имелась в виду осада Смоленска войсками Сигизмунда III в 1609–1611 гг., в самый разгар Смуты. В ту пору М. Б. Шеин возглавлял смоленский гарнизон, а московская знать мало помогала ему, равнодушно внимая известиям с места сражения, более того, в недрах русской аристократии даже сыскались активные сторонники польского короля.

Н. Н. Оглоблин продвинул точку зрения Зерцалова, сделав Шеина «жертвой и мучеником боярских интриг», оклеветанного, а до того фактически брошенного Москвой на произвол судьбы с измученным, лишенным самого необходимого войском. Исследователь не считал

возможным сомневаться в полководческом таланте Шеина «...уже по тому одному, что он со своим голодным, ослабевшим отрядом, несомненно, взял бы Смоленск, если бы Владислав не подошел туда вовремя, почти накануне сдачи Шеину смоленского губернатора»⁴.

Д.И. Иловайский в реплике на статью Оглоблина высказал прямо противоположное мнение. Историк считал, что Шеин вообще был малоспособен к военному руководству, медлителен, неповоротлив, не проявлял должной активности в борьбе с поляками; все эти качества воеводы привели к тому, что реальные действия его, по сути дела, были недалеко от измены⁵.

На стороне Зерцалова и Оглоблина встал В. Корсаков, автор большой статьи о Шеине в Русском биографическом словаре. Он полагал, что под Смоленском в 1633 году «...с 4-го июня по 27-е августа включительно между поляками и русскими произошло на Покровской горе четырнадцать (!) сражений», притом Шеин несколько раз посылал войска против неприятеля и добивался успеха. Поражение его — следствие неудачи, а не измены. Армия Шеина терпела страшные лишения из-за отсутствия налаженной системы обеспечения и получала подкрепления с роковыми проволочками⁶.

Е. Сташевский в своем фундаментальном труде о московской армии времен Смоленской войны отмечал крайнюю беспорядочность обеспечения армии Шеина, отсутствие опыта организации боевых операций столь значительного масштаба и общую неорганизованность вооруженных сил Московского государства. Таким образом, поражение Шеина имело достаточно причин объективного характера⁷.

О. Л. Вайнштейн поддержал мнение Иловайского, настаивая на тактической бездарности Шеина, но отрицая измену. По мнению этого ученого, личное мужество и исключительная стойкость, которые помогли Михаилу Борисовичу за 24 года перед тем при защите Смоленска, теперь были недостаточны для того, чтобы добиться успеха в открытом поле⁸.

Портрет Шеина как бесталанного неудачника покрывает его имя бесчестьем, из чего вырастает публицистический миф, бытование которого скверно сказывается на изучении Смоленской войны.

Между тем иностранные источники, до сих пор не привлекавшиеся при попытках разрешить споры, содержат свидетельства, способные

окончательно снять с Михаила Борисовича Шеина это историческое обвинение.

Донесение шведа Хендрика Садтлера из русского военного лагеря, переведенное автором этих строк, позволяет взглянуть на тактический стиль воеводы иначе и восстановить честь знаменитого полководца. Оно было опубликовано Г. В. Форстеном еще в XIX веке, но не вводилось в научный оборот из-за отсутствия перевода со шведского языка.

Кроме того, необходимо учесть известия, содержащиеся в отрывках дневника другого участника смоленской осады (поляка), где сообщается, что Шеин еще на Рождество 1632 года произвел первый штурм и далее не оставлял гарнизон Смоленска в покое⁹. Подобную манеру вести боевые действия пассивной назвать совершенно невозможно. И, следовательно, поражение московских войск у стен Смоленска в феврале 1634 года нельзя объяснять неспособностью Шеина к командованию. Скорее, наоборот, энергичная деятельность воеводы доставила немало трудностей противнику.

Реляция Хендрика Садтлера о делах московских¹⁰

С самого начала Смоленск был обложен, и сейчас его повсеместно храбро атакуют, так что ни собаке, ни кошке не проскочить наружу. Говорят, что к русским перебежал из Смоленска капрал, семь лет назад захваченный поляками в плен. По словам бежавшего, в смоленском гарнизоне — не более 4000 немецких солдат в эту кампанию.

Поляки ночью делали вылазку на палатку полковника Лесслера¹¹. После того, как они (*поляки*. — Д.В.) допросили его, большая часть их была перебита между лагерем и крепостными сооружениями, остальные едва спаслись за воротами.

Гонсевский, стоявший с 6000 человек в девяти милях от Смоленска, вышел на рекогносцировку с целью разведать, каковы намерения противника и сколь велики его силы. В это же самое время русским полководцем послан был конный отряд в 2000 человек с приказом напасть на Гонсевского, как только они его обнаружат. Гонсевский же, уже собравший сведения,

был вне лагеря. Он поставил свою армию в боевой порядок и принял русских таким образом, что не вернулось более 200 человек, положенных на месте или захваченных в плен. Эта потеря произвела на русского полководца тяжелое впечатление, и он послал более сильную партию в несколько тысяч человек, которая обрушилась на поляков в лагере и совершенно их разгромила. Те, кто не спасся бегством, были порублены, остальные были взяты в плен. Большой отряд из числа последних был, подобно скоту, отогнан в Москву. Там были и дворяне (знатные люди), и другие офицеры, но о Гонсевском неизвестно, пал он или спасся. Кроме того, в этой стычке поляки потеряли много знамен.

Через некоторое время из Москвы под Смоленск было привезено много тяжелых пушек, картунов и полукартунов, а также большие мортиры в достаточном количестве. Пушки известили о своем участии в осаде громом. Кажется, сам великий князь (*царь Михаил Федорович. — Д.В.*) присутствовал при их отправке. Посол великого князя, отправившийся в Швецию, не продвинулся еще далее Новгорода¹².

Донесение имеет комментарий: «*Это донесение вложено в письмо Нильса Персона к регентам Швеции из Нарвы от 23 марта 1633 года.*».

ССЫЛКИ

¹ Андреев И. Об измене неизменявшего // Родина. — 1997. — № 6. — С. 32–37.

² Соловьев С. М. История России // Сочинения. — М., 1990. — Кн. 5. — С. 163–165.

³ Зерцалов А. Н. М. Б. Шеин под Смоленском // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. — М., 1897. — Кн. 2. — С. 18, 24–27.

⁴ Оглоблин Н. Н. Правда о боярине М. Б. Шеине // Исторический вестник. — 1898. — Т. LXXII. — С. 889, 892–896, 897, 899.

⁵ Иловайский Д. И. Ответ Оглоблину // Русская старина. — 1898. — Т. XI. — С. 5.

⁶ Корсаков В. Шеин // Русский биографический словарь. Т. XXIII. — СПб., 1911. — С. 52, 56–59.

⁷ Сташевский Е. Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние московской армии. — Киев, 1919. — С. 149, 172–173, 209–217.

⁸ Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война. — М., 1947. — С. 182.

⁹ Отрывки дневника о войне царя Михаила Федоровича с польским королём Владиславом // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. 1. — С. 722–723.

¹⁰ Форстен Г. В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI-м XVII-м столетиях. — СПб., 1889. — С. 324–325.

¹¹ Лесслер (*Lessler*) или Лесли прибыл на русскую службу по рекомендации короля Густава Адольфа из Швеции в 1630 году. Набирал иностранных наемников на русскую службу и командовал ими.

¹² По всей видимости, имеется в виду посольство во главе с Б. И. Пушкиным, Г. Горихвостовым и дьяком Н. Неверовым, которое выехало из Новгорода 22 ноября 1632 года (см.: Поршнёв Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. — М., 1976. — С. 317, 322). Шеин начал штурмовать Смоленск к концу декабря того же года, но сведения о послых пришли в русский лагерь под стенами города, как видно, с опозданием. Исходя из этих соображений репликацию Садлера следует датировать приблизительно концом декабря 1632 — январем 1633 года.